

В. П. Клюева

**БЕЖАТЬ НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬСЯ:
ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ НЕКОРЕННЫХ СЕВЕРЯН***

АННОТАЦИЯ. Промышленное освоение северных территорий страны вызвало миграционную волну, которая с разной степенью интенсивности продолжалась не только в позднесоветский, но и в постсоветский период. Участники промышленного освоения Тюменского Севера свой выбор в пользу деятельности в тяжелых условиях объясняют через оппозицию «романтика — возможность заработать». В основе исследования лежат интервью с людьми, работавшими на Тюменском Севере в 1970–1990-е гг., и продолжающими жить и/или работать там до сих пор, дополненные опубликованными воспоминаниями. Выбор Севера в качестве места жительства и работы объясняется информантами через эмоциональную составляющую. Можно выделить несколько преобладающих эмоций: гордость, выражающаяся в выборе профессии, чувство общности, проявляющееся в наличии «северной» системы жизненных ценностей, и эстетическое чувство — восхищение северной природой. Все экстремальные эмоции невозможно было получить, не приехав на работу на Север. Острые ощущения выступают в роли своеобразной эмоциональной энергии, возникающей при социальном взаимодействии при освоении северных территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тюменский Север, некоренные северяне, промышленное освоение, режим оправдания, антропология эмоций

УДК 159.943.3:39(=1.17-81)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-66-73

КЛЮЕВА ВЕРА ПАВЛОВНА — к.и.н., в.н.с. сектора социальной антропологии, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН (Россия, Тюмень)

E-mail: vormpk@gmail.com

* Работа выполнена в рамках госзадания согласно плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., приоритетное направление XII.186, программа XII.186.4, проект № 0371-2018-0033.

Промышленное освоение северных территорий, в том числе и Тюменского Севера, вызвало миграционные потоки некоренного населения, которые с разной степенью интенсивности продолжались не только в позднесоветский, но и в постсоветский период (о промышленной миграции и освоении арктических и северных зон см.: Замятина, Пилясов 2018: 47–64; Рёр 2016: 225–240; Нуйкина 2013: 107–116 и др.).

Начало нефтяного освоения региона (1960-е гг.) стало отправным моментом для резкого притока населения в Тюменскую область. С 1959 по 1989 г. число жителей выросло почти в три раза, с 1 092 тыс. до 3 080 тыс. чел. Тогда же начался рост населенных пунктов, прежде всего рабочих поселков и городов. С момента русской колонизации (конец XVI в.) и до начала 1960-х гг. в области было основано лишь семь городов, а за следующие три десятилетия появилось еще 16 (см.: Колева 2007; Стась 2016).

В течение всего периода освоения (1960–1980-е гг.) звучит один и тот же лейтмотив: Север покоряют герои и/или романтики, а за ними приходят «освоенцы» (первопроходцы, первыми разрабатывающие территорию освоения) и «временщики». Сами участники промышленного освоения Тюменского Севера свой выбор в пользу деятельности в тяжелых условиях могут объяснять через оппозицию «романтика (“Север — территория свободы и самостоятельных решений”) — материальная составляющая (“приехали заработать и остались навсегда”)), но эти позиции зачастую не противоречат, а дополняют друг друга. О северной романтике как (не)мотивации выбора написано достаточно много как самими освоенцами (см., напр.: Славкина 2002: 89–90), так и современными исследователями (см.: Клюева 2014: 200–204; Новикова 2014: 193–194). Об этом же упоминает и Е. Лярская (2016). Первоначально большинство приезжих составляли геологи и изыскатели, затем нефтяники и строители, позднее стали приезжать люди разных специальностей. Среди них и сформировался пласт «новых» некоренных северян, приехавших на северные работы на время, а оставшихся надолго или навсегда. Мы не будем останавливаться на выяснении базовой мотивации «северного выбора» (см.: Клюева 2016: 197–208). К этой теме много обращались и в советское время, в том числе социологи (см.: Куцев 1989: 34, 94).

Для специалистов, приехавших на Север, территориальный выбор места работы мог быть почти случайным. «Когда было распределение, я смотрел, то есть было заманчиво здесь [Тюмень, Ямал. — В. К.] и во Владивосток. Но и там, и там — это было научное, что меня как-то не очень тянуло. Во-вторых, там это было практически лаборант, то есть на низшую ставку. Без жилья, без ничего, пахать там в течение трех-пяти лет на какого-нибудь дядю сперва, потом после этого, может быть, ты будешь работать на себя. На свою диссертацию. Мне это не надо. Поэтому выбрал сюда. В принципе, честно говоря, я не пожалел, здесь хорошая получилась школа для роста. Не все, конечно, гладко получилось, но, тем не менее, я попробовал много чего делать, ну, в принципе, получалось нормально. Чем было заманчиво? Тем, что было новое, то есть это направление только разворачивалось» (ПМА 2014). Случайность в данном случае мнимая, так как выбор для профессионалов в сфере геологоразведки или нефтеразработок был не очень большим и связан, особенно в 1970-е гг., во многом с Тюменским Севером.

Обратимся к эмоциональной составляющей, которая озвучивается жителями северных городов, говорящих о возможности или необходимости жизни на Севере. В качестве исследовательского вопроса рассмотрим следующее: можно ли воспринимать «северный выбор» как способ удовлетворения потребности острых ощущений, то есть экстремальных эмоций, под которыми понимаются ярко окрашенные чувства (и соответственно своеобразная адреналиновая зависимость от них), сложно воспроизводимые в спокойной обстановке. В качестве методологического

подхода мы опираемся на теорию интеракционизма, рассматривая эмоции как социальный феномен (см.: Гофман 2000).

В основе исследования лежат глубинные интервью с людьми, работавшими на Тюменском Севере в период промышленного освоения и продолжающими жить и/или работать здесь до настоящего времени. Исследование проводилось в 2014–2017 гг. Собранные интервью дополнены опубликованными воспоминаниями первопроходцев, работавших «на Северах» в 1970–1980-е гг. Опираясь на рефлексию наших информантов и факты из воспоминаний, видим, что эмоции сдвигаются в сторону социальных форм выражения. Заметим, что они присоединяются к тем эмоциям, которые стереотипно включены в режимы оправдания выбора Севера как места жизни или работы.

Среди основных эмоций для северян стоит назвать гордость. Гордость выражалась в выборе профессиональной сферы, предполагающей работу «не для всех», «для настоящих людей». Другой важной эмоцией из числа коллективных, которая воспринимается большинством, становится чувство общности, выражаемое в экзистенциальной потребности совместной системы жизненных ценностей, якобы имплицитно присущей всем северянам. Также для большинства общей становится эстетическая эмоция, ярко выраженная через восхищение природой «дикого Севера».

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ И ОЩУЩЕНИЕ НУЖНОСТИ КАК СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

Профессиональные знания как базовое основание для выделения особого сообщества — сообщества нефтяников — упоминаются Н. Новиковой (2014: 197–200). Она формулирует его характерные признаки: «С одной стороны, это профессионалы [выделено мною. — В. К.], которые работают на одной территории с ними [с аборигенным населением. — В. К.], с другой — это все работающие в отрасли и на отрасль люди, воспринимаемые как “приехавшее на Север техногенное население”» (Там же: 191). Но профессионализм и гордость за свой профессионализм были характерной чертой и других освоенцев. Одна из информанток-геологов рассказывала: «Я с собой всегда возила на северные поля профессиональную литературу. <...> грамотёшки-то не хватало. Ну, что — молодые специалисты, считай, все равно — я кучу книжек с собой возила, все идентифицировала. Все записывала, искала» (ПМА 2014).

Северный профессионализм находился в амбивалентной связи с романтикой (северной, полевой). С одной стороны, утверждалось, что «романтики — это люди, которые, наверное, может быть, когда-то случайно попав в такие широты, навсегда заболели этими вот бескрайними просторами. И именно увидев то, что здесь можно самопроверить в профессии, оставались здесь» (ПМА 2014). Аборигенное население вспоминает о первых геологах и нефтяниках как о романтиках с гитарами (Новикова 2014: 194). С другой — все, что может быть воспринято как романтическое, является непроизносимым/табуированным или в лучшем случае нуждающимся в уточнении/опровержении. Подобную двойственность хорошо подметил Ю. Эрвье: «Труд геолога не только романтика, как часто мыслят и пишут многие, но и большая физическая и моральная нагрузка, вечный поиск нового, повседневное преодоление совсем не романтических, а, скорее, обыденных трудностей» (цит. по: Щукин 2008: 22).

Зачастую романтика в интервью и воспоминаниях преподносится через обязательное преодоление (себя, тяжелых бытовых или рабочих условий) или противостояние (например, с руководством, не верящим в успех дела). «Открытия давались тяжелейшим трудом. Мы платили за них молодостью, здоровьем, кровью. Были непреодолимые препятствия, растерянность и каждодневная борь-

ба. Борьба с жестокой природой, борьба за право продолжать работы и даже за право на уважение» (слова В. Подшибякина, руководителя треста «Ямалнефтегазразведка»; цит. по: Патрикеев 2003: 6).

Именно через романтизацию труда, даже не какого-то отдельного вида деятельности, а труда как такового (некой деятельности) приезжие получали эмоциональное удовлетворение (см. об этом же: Болотова 2006). Поэтому спустя годы они вспоминают об этом с удовольствием. «Работа на переднем крае, нравственные ценности, атмосфера взаимовыручки и есть тот магнит, что притягивал и удерживал людей на Севере вопреки всем трудностям. Мы, еще совсем зеленая, по сути, молодежь, чувствовали ответственность, ощущали себя участниками большого дела, и равнодушных не было» (Шевцова 2014).

Романтический настрой подкреплялся ощущением нужности: «Для людей, которые были воспитаны в рамках идеологии, — а там практически все такие были, — конечно, ехать на Север было более престижно. Потом в Москве тебя особенно никто не ждет, а на Севере тебя ждут, там нужны твои руки. Ты понимаешь, что ты можешь что-то сделать» (ПМА 2015).

Ощущение/осознание своей нужности в сочетании с пониманием уникальности своей деятельности скрадывало бытовую неустроенность и формировало оптимистические ожидания своего будущего и будущего страны. «Даже мои родители, когда они приехали, они были у истоков, когда не было дорог, когда было все в грязи кругом, балки стояли. Для них отношение [к Северу. — В. К.] было, что они строят свое светлое будущее. Тем более это было советское время, и присутствовала идея светлого будущего, которое мы строим все вместе» (ПМА 2015). Кроме того, чувство нужности могло выступать подтверждением правильного выбора профессии или в целом жизненного пути.

Подобные ощущения позволяют рефлексировать на тему «притяжения Севера». Кроме обязательного упоминания материального фактора и романтизации/героизации своего прошлого, отмечается ощущение свободы, знакомое многим участникам освоения: «Он [Север. — В. К.] привлекал именно чем — вот этой свободой, а потом, наверное, возможностью принимать решения самостоятельно. То есть решать любые вопросы самостоятельно. То есть вот это вот самое, именно то, что людям не хватает духа свободы» (ПМА 2014). И наконец, работа на Севере давала возможность стать самостоятельным/независимым — и материально, и физически/психологически: «С одной стороны, конечно, это способ решения своих экономических трудностей, создание материальной базы. Во-вторых (или во-первых; деньги, может быть, и вторичные), это социальные стимулы. Если едет молодежь — встать на ноги, стать самостоятельными. Оно, конечно, тесно связано, экономичное и самостоятельное. Но — самостоятельность. Ты едешь на Север, ты зарабатываешь, ты себя полностью обеспечиваешь. Ты уезжаешь от родителей, дают какое-то жилье и прочее. Ты становишься самостоятельным, это подчеркивает твое взросление. Это один момент. Второй момент из социальных стимулов — это бегство от проблем, которые у тебя были на Большой земле. В свое время многие обращали внимание, или мы тоже, когда разговаривали, это подчеркивали. Типа того, что или кто-то разводился — надо было уехать, или какие-то проблемы были семейные — надо было уехать. То есть социальные проблемы, они человека подталкивали к тому, чтобы он ехал на Север» (ПМА 2015).

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Помимо построения карьеры или жизни «в ногу со страной», для некоренных северян важным становится получение неких чувств и ощущений, невозможных на Большой земле. Можно говорить

об экзистенциальной потребности создания системы ценностей и встраивании в эту систему окружающих людей. Важной характеристикой северного общества на протяжении всего периода освоения становится система жизненных ценностей, в основе которой лежит взаимопомощь и взаимовыручка. «Тогда, в те годы только свистни — все помогали друг другу» (ПМА 2014). Рассказы о помощи (спасении) на зимней трассе являются обязательной частью северного нарратива. «Как на Севере было принято? Зимой, допустим, если стоит буран — значит, обязательно машины останавливаются. Нужна помощь — бесплатно, без всякого. Машина застряла — обязательно, если едут и увидели, то все, они подхватят» (ПМА 2016).

Одновременно с рассказами о взаимопомощи встречается частое противопоставление современных и советских взаимоотношений: «Отношения между людьми... Люди были хорошие, душевные. Воровства не было. Я это сравнила, когда мы отработывали береговое месторождение под Уренгоем. Знаешь, когда году в 98-м, когда у нас стали воровать лодки с мотором. Это, конечно, было все... И сейчас, когда Север стал доступен, когда появились и дороги, и железка... Хулиганов много стало, воровство появилось» (ПМА 2014). Или северян «со стажем» и новоприехавших: «Такие люди, знаете, они отзывчивые. Те северяне, которые жили долго там — вот те отзывчивые. А кто приехал недавно — те другие совсем. <...> Старожилы — люди некорыстные. А сейчас новый приезд людей — хапуги, так будем говорить. Это точно так вот» (ПМА 2016).

Таким образом, сложился образ северян. Им присущи некие общие черты, позволяющие отличать их от жителей других территорий: северянин — это «человек, который может выжить в любых условиях, который может прожить, сохранить здоровье, любить все эти трудности и лишения, которые Север дает. У меня ассоциируется прежде всего со знанием природы территории и умением выживать в любых ситуациях, которые случаются на Севере» (ПМА 2015). В целом постоянно воспроизводится представление о наличии особых качеств у северян, которые формируются под воздействием тяжелых природных условий и необходимости все делать сообща: «Северяне, они лучше работают в команде. Командный дух, корпоративный, потому что выжить на Севере одному достаточно сложно. У них есть такое свойство — кучковаться. Северяне, они думают, прежде чем делают, потому что лишнее движение на Севере может стоить жизни. Они приветливые, дружелюбные, готовые помочь тебе. <...> Ты можешь к ним обратиться, и они помогут» (ПМА 2015).

Поэтому для людей, особенно оценивающих ситуацию постфактум, уже после возвращения на Большую землю, характерно создание идеального образа: «Люди там менее злые, менее загнанные. Я встречалась с большой жесткостью там — политической, финансовой и прочее. Но я никогда не встречалась там с хамством» (ПМА 2015).

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ К ПРИРОДЕ

Своеобразным призом, помогающим выжить на Севере, становится природа. Тема красоты дикой природы — одна из обязательных. Зачастую по умолчанию она используется как объяснение, почему информанты не уезжают в более теплые края. А. Болотова в своем исследовании жителей Мурманской области выходит на тему эмоциональной привязанности к Северу и северной природе: «Формулировки могут быть разные — красивые пейзажи, ландшафт, особые северные краски, грибы-ягоды, горы или озера, но суть одна: жители новых городов часто говорят о любви к природе и Северу» (Болотова 2014).

Об этом же говорят и новые жители Тюменского Севера: «Такая неопишуемая красота, когда тундра — это ковер. Почему? Потому что брусника зеленая, клюква зеленая, черника красная, ли-

стья. И эта тундра — это вообще неопишное. Рыба там... эти мужики рыбачат, охотничают. Это если открытие охоты — допустим, 25 мая открытие охоты — за месяц собираются, за месяц! И что интересно: открытие охоты, они едут, допустим, выходной и открытие охоты; они едут с ночевкой, а утром скорее на работу <...> Но лебеди — вот красота. Когда прилетают птицы — ну, они стайей прилетели, — лебедей там не стреляют. Гусей стреляют, уток, а лебедей не трогают. И они потом сбиваются на пары и, когда летишь над тундрой, — вертолет же низко летит, — и знаете, вот эти маленькие озера по всему Ямалу, там же болота; и эти озера, и почти на каждом озере два белых пятнышка. Парами, парами! А потом, когда они уже выпарят цыплят своих, и они собираются в стаи» (ПМА 2016).

Подобных цитат, подробно или кратко останавливающихся на описании северных красот, можно привести множество. При этом сложные природные условия подчеркивают и выделяют северную специфику: «Специфика Севера — это умение принять эти проблемы природные, наверное, и справляться с ними, и любить их» (ПМА 2015).

Сложилась категория «невозвращенцев», причиной невозвращения которых является выбор «жизни на природе». Они приехали в числе нефтяников и прочих освоенцев, но остались из-за того, что на Севере можно охотиться и рыбачить.

* * *

Итак, какие эмоциональные объяснения проговаривают «новые» северяне, не уехавшие после окончания срока контракта/договора. На наш взгляд, при рефлексировании на эту тему появляется несколько «внутренних» причин, вызывающих яркие эмоции. Среди них наиболее распространенная — ощущение своей нужности и уникальности дела, которым ты занимаешься. Подобные чувства особенно были распространены в первые десятилетия освоения, до начала 1990-х гг. Затем, кроме материальной составляющей (которой сознательно не было уделено внимания в нашем исследовании), Север стал притягивать возможностью получения психологической независимости и самостоятельности. Кроме того, важна сохранившаяся до настоящего времени система жизненных ценностей, которая разделяется большинством приезжих. И еще одной причиной, разделяемой большинством некоренных северян и поддерживающей режим оправдания, выступает эмоциональная привязанность к природе.

Все выявленные эмоции (кроме эстетического чувства в отношении природы) невозможно было получить, не приехав на работу на Север. В данном случае не столько важен выбор конкретной территории (Тюменская или Магаданская области, Норильск и др.). Важно то, что они получены в суровых природных условиях и зачастую тяжелой работы. В целом можно утверждать, что острые ощущения выступают в роли своеобразной эмоциональной энергии (по Р. Коллинзу: (Collins 2004)), возникающей при социальном взаимодействии при освоении северных территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПМА 2014; 2015. Нижневартовский район, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра.

ПМА 2016. Салехард, Ямало-Ненецкий автономный округ.

Болотова А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас. 2014. № 5 (97). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2014/97/14b-pr.html> (дата обращения: 04.11.2018).

Болотова А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). С. 68–84.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М., 2018.

Клюева В. П. «Вот там я, конечно, романтики нахваталась, начерпалась»: как найти романтику в тяжелой работе // Обратная связь: книга для чтения. СПб.; Иркутск, 2014. С. 200–204.

Клюева В. П. Тюменский Север как выбор: режимы оправдания «новых северян» // Сибирь: контексты настоящего: сб. материалов междунар. конф. молодых исследователей Сибири в рамках проекта «Сибирь вне границ» (2013–2015 гг.). Иркутск, 2016. С. 197–209.

Колева Г. Ю. Строительство городов в районах нового промышленного освоения в 1960–1980-е годы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2007. № 1. С. 237–243.

Куцев Г. Ф. Человек на Севере. М., 1989.

Лярская Е. В. «Приезжают на полгода, остаются навсегда?» // Антропология в поисках нового языка описания. Томск, 2016. С. 13–14.

Новикова Н. И. Охотники и нефтяники: исследование по юридической антропологии. М., 2014.

Нуйкина Е. В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города российского Севера (на примере города Воркуты) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2013. Вып. 2 (14). С. 107–116.

Патрикеев Н. Молодежь в летописи открытий. Ханты-Мансийск, 2003.

Рёр А. Поселок Ния (Грузинская) в годы Грузстрой БАМа (1975–1982): коммеморация и воспоминания бывших работников и нынешних жителей // Сибирь: контексты настоящего: сб. материалов междунар. конф. молодых исследователей Сибири в рамках проекта «Сибирь вне границ» (2013–2015 гг.). Иркутск, 2016. С. 225–240.

Славкина М. В. Триумф и трагедия: развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М., 2002.

Стась И. Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960 — начало 1990-х гг.). Сургут, 2016.

Шевцова Л. Тюменский Север: край снегов и большой нефти // Тюменские известия. 13.03.2014.

Щукин А. Черное золото Югры. Тюмень, 2008.

Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, 2004.

**LEAVE NOT STAY:
EXTREME EMOTIONS OF NON-INDIGENOUS NORTHERNERS**

ABSTRACT. Industrial development of the Northern territories of Russia, including Tyumen North, was the reason behind the migration of populations which continued during the late Soviet and post-Soviet periods. Throughout the period of development a stereotypical pattern can be observed: the North was conquered by heroes and/or romanticists, who were then followed by “temporary workers”. Participants of the industrial development of the Tyumen North explain their decision to move to the region through the opposition between romanticism (“The North is the land of freedom and independent decisions”) and money (“We were going to make money, but stayed there”). In some cases, the decision to live and work in the North is presented as justified and socially positive. The study is based on interviews with people who worked in the Tyumen North during the period of industrial development and continue living and/or working there until the present day. The most extreme emotions expressed by the informants appear to be sense of “usefulness” for the benefit of the nation and fulfillment coming from the realization of one’s professional potential. A universally shared system of values seems to be instrumental in the regimes of justification for the non-indigenous northerners. And also the majority of the population demonstrates an emotional attachment to the nature of the North.

KEYWORDS: Tyumen North, Northerners, regime of justification, industrial development, anthropology of emotions

VERA P. KLIUEVA — Candidate of Historical Sciences, Institute of the Problems of Northern Development, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Tyumen)
E-mail: vormpk@gmail.com